

ШИПУНОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА

*доктор социологических наук, профессор факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
shtatspb@yandex.ru*

SHIPUNOVA TATIANA

*doctor of science in sociology, professor,
the faculty of sociology, Saint-Petersburg state university*

УДК 159.9.07

**ИНТЕГРАТИВНАЯ ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ**

SOCIAL JUSTICE INTEGRATIVE THEORY OF DEVIANT BEHAVIOR

Аннотация. Статья посвящена научно-методологическому обоснованию разработки общей теории девиантности как научной основы для дисциплин, изучающих девиантность. В качестве основного концепта интегративной теории девиантности предлагается понятие «социальная справедливость»; обосновываются виды и формы социальной несправедливости.

Abstract. The paper is intended to show scientific and methodological foundation of working out the general theory of deviance as a basis for disciplines studying deviance. As the major concept of the integral deviance theory the author suggests the notion «social justice» and analyzes types and forms of social injustice.

Ключевые слова: девиантность, криминология, социология, девиантология, междисциплинарный подход, интегративный подход, общая теория девиантности, социальная справедливость, социальное неравенство.

Keywords: deviance, criminology, sociology, studies of deviant behavior, interdisciplinary approach, integrative approach, the general theory of deviance, social justice, social inequality.

Несмотря на существование множества фундаментальных трудов по преступности и девиантности в целом, ощущается дефицит теоретического осмысления важнейших проблем. В связи с многоуровневыми взаимосвязями явлений и процессов, детерминирующих девиантность, сформировалась потребность в создании общей теории, способной обеспечить междисциплинарность в изучении негативных социальных явлений. Однако до сих пор такую интегративную модель разработать не удалось. Предлагаемые «интегративные» криминологические и девиантологические концепции имеют характер эклектичных и ограничиваются комбинацией двух или более существующих теорий, избранных на основе общности. При этом не соблюдается требование многоуровневого рассмотрения проблемного поля [9].

Девиантология, первоначально ориентированная на практическое использование научных результатов, становится ориентированной на дисциплину, выступающую в качестве заказчика исследований. Несмотря на методологические разногласия, большинство ученых все же признает важность разработки общих теорий. В то же время часть обществоведов придерживается в этих вопросах позиции скептицизма или частичного агностицизма и релятивизма. Скептицизм встречается достаточно редко, но, возможно, именно потому

он всегда связан с действительно важными проблемами. Так, например, Н. Кристи в одной из своих работ, говоря о трудностях проникновения в сущность вопросов и сложностях, связанных с построением криминологической¹ теории (или теорий), пишет, что существует «четыре преграды на пути истинного понимания проблем: неумение прислушиваться к самим себе, сверхсоциализация в системе университетского образования, опасности со стороны всепроникающего государства и влияние легкодоступных файлов и архивов с материалами, отражающими точку зрения государства на правонарушения» [4].

Сложность теоретической рефлексии в общественных науках вообще, а в криминологии и девиантологии в особенности, состоит в том, что она является вторичной (а то и третичной). Это означает, что исследователю его предмет (социальные нормы или их нарушения) дается в опосредованном виде (т.е. в уже определенном в качестве такового другими участниками социального взаимодействия: официальными институтами контроля и другими официальными и общественными инстанциями, средствами массовой информации, рядовыми гражданами и т.д.), и ему приходится заниматься конструированием конструкторов поведения и деятельности.

¹ То же можно сказать и о девиантологических теориях.

А это значительно сложнее, чем просто отображать и описывать онтологическую реальность [14].

Перед современной девиантологией остро стоит вопрос о ее пригодности для практики. С одной стороны, все причинные концепции девиантности являются либо односторонними, абсолютизирующими какую-то одну причину, либо утопичными из-за невозможности их практического использования. С другой, в каждой из имеющихся теорий, безусловно, содержится доля истины. В целях создания общей теории девиантности далее можно идти двумя путями. Первый путь — рассматривать существующие причинные концепции девиантности как взаимодополняющие друг друга и описывать явления, привлекая для этого по очереди все существующие концепции. В настоящее время исследователи предпочитают именно этот путь. Однако тезис о взаимодополняемости существующих теорий представляется несколько сомнительным в силу огромного количества таких теорий (более 100), что создает практически непреодолимые препятствия для всестороннего описания явления из-за объема текста и различных методологических оснований.

Второй путь — объединение подходов, концепций в единой интегративной теории. Очевидно, что для этого в первую очередь необходимо найти достаточно абстрактное и широкое понятие, позволяющее конкретизировать себя во всех тех положениях, которые рассматриваются в рамках существующих причинных концепций. На наш взгляд, таким общим понятием могло бы стать *понятие социальной справедливости* [9; 10; 11].

Понятие социальной справедливости является центральным во всех без исключения гуманистических учениях о человеке и обществе. Однако некоторым исследователям оно представляется чем-то неуловимым, не поддающимся рефлексии, не имеющим референтов в социальном бытии, а потому выполняющим роль лишь идеальной ценности, мечты, недостижимого абсолюта [7]. С одной стороны, ставя в центр внимания социальную справедливость, мы задаем ориентиры должного: должного устройства общества, должного отношения к человеку, должной морали, призванной крепить солидарность между людьми, должного государственного правления и т.д. Эти ориентиры представляют собой идеальное видение реальности, некую недостижимую цель, которая, однако, каким-то образом выполняет функцию гуманизации общества.

С другой стороны, понятие «социальная справедливость» является не разработанным, нечетким, полным внутренних противоречий, создающих условия для манипулирования им в самых разных ситуациях. Это связано, по-видимому, с тем, что, как считает В.А. Троцкий, сам «субстрат» социальной справедливости трудноуловим, а термин слишком политизирован. Опираясь на труды признанных авторов и не вступая с ними в противоречие по принципиальным положениям, предлагаю следующее определение *инструментального* понятия социальной справедливости [8].

Социальная справедливость — это мера общественной пользы (социальной адекватности) законов и других нормативных предписаний

(формальных и неформальных), устанавливающих и поддерживающих на основе соглашения такой порядок жизнедеятельности людей и организаций, физических и юридических лиц, который способствует выживанию и развитию социума, а также обеспечивает интеграцию и достойное существование членов общества. Социально справедливыми являются те институты, формы правления, нормы и законы, которые на основе соглашения между субъектами социальных взаимодействий создают и поддерживают основы достойной жизни людей в обществе, где провозглашен принцип воздаяния по заслугам, т.е. имеется стремление каждому конкретно обеспечить *индивидуальную справедливость* в его взаимоотношениях с государством и социальными институтами.

В данном инструментальном определении социальной справедливости зафиксированы обозримые ориентиры (или цели) — «установление такого порядка жизнедеятельности людей и организаций, который способствует выживанию и развитию социума; обеспечение интеграции и достойного существования членов общества», а также средства их достижения — «мера полезности, т.е. социальной адекватности социальных норм». Здесь выражение «достойное существование» является обобщением всех тех благ, которые провозглашаются в качестве таковых в современном обществе: мера свободы, равенства, социальная защищенность, уровень образования, включенность в социальные сети, широкие возможности выбора легальных видов деятельности и т.д. и т.п.

Важное значение для построения нашей теории имеет прояснение вопроса о социальном равенстве и неравенстве. Неравенство между людьми многообразно, но главными его формами являются неравенство имущественное и статусное. Обе эти формы неустранимы в принципе, поскольку необходимы для нормального функционирования и выживания системы (общества). «Справедливое» имущественное и статусное неравенство обусловлено, в конечном счете, многообразием физической и духовной природы людей, различием в их физических и интеллектуальных способностях и дарованиях (прирожденных или приобретенных), что позволяет одним из них работать больше и лучше и соответственно приобретать больший достаток и занимать более высокую статусную позицию. Однако эти виды неравенства могут быть и «несправедливыми». Происходит это не только в силу экономических (кризис, застой) или политических (непредуманная или откровенная антисоциальная направленность внутренней политики государства), но и в результате того, что имущество зачастую наследуется людьми, не причисленными к усердному труду и не наделенными особыми талантами.

Кроме *форм* неравенства следует выделять также его виды (здесь понятие «форма» употребляется как свидетельство, иллюстрация чего-либо, в нашем случае — свидетельство проявления неравенства, а «вид» — как сущностная характеристика несправедливости, проявляющаяся на разных уровнях организации социума в отношениях

«человек — общество» или «человек — система», где внешней по отношению к человеку системой может выступать не только общество в целом, но и отдельные его группы или подсистемы). В рамках заявленной темы можно выделить два вида социальной несправедливости.

1. Несправедливость, творимая в отношении конкретного человека (или социальной группы). Она имеет место, когда человека (социальную группу) обкрадывают, грабят, чинят над ним насилие (психологическое или же физическое), принуждают подчиняться социально-неадекватным нормам и законам, игнорирующим или ущемляющим его интересы. Если человек при этом подчиняется таким нормам и законам, то чувствует себя бесправным рабом либо же глупцом, вредящим самому себе. Если же не подчиняется им, то на него навешивают ярлык девианта или преступника и подвергают репрессиям, еще больше умножая социальную несправедливость.

2. Несправедливость, творимая самим человеком (или социальной группой) в отношении других людей (социальных групп) или же в отношении самого себя. Во-первых, она имеет место, когда человек протестует против первого вида несправедливости, но этот протест принимает утрированные формы, и он сам начинает лгать, воровать, мстить, грабить и убивать, или же когда его агрессия направляется на себя, и он начинает злоупотреблять алкоголем, наркотиками, предпринимает попытки суицида. Во-вторых, она имеет место, когда человек творит несправедливость по причине собственной порочности — зависти, жадности, немотивированной агрессивности, мстительности, лживости, неводержанности, безрассудности и т.д.

Разумеется, корпус преступности и девиантности в целом формируется на почве обоих видов социальной несправедливости, однако основная нагрузка падает на первый вид социальной несправедливости, учитывая то обстоятельство, что ею к тому же обусловлена часть несправедливости второго вида, когда человек творит зло в ответ на причиненное ему зло.

Первый вид социальной несправедливости имеет свои подвиды или особые *формы выражения*. Их бытие и их осознание тесно связаны с социальным контекстом и оценками людей, а потому при их рассмотрении важным является учет культурных особенностей того или иного общества — общественно-политического устройства, господствующих ценностей, идейных ориентиров, традиций, уклада жизни и т.д., то есть всех тех конкретизирующих факторов, которые делают возможным применение теоретической абстракции к анализу реальных социальных отношений.

1. *Экономическое выражение* социальной несправедливости первого вида имеет место при нарушении принципа эквивалентности вознаграждения за полезные для общества результаты труда человека и, соответственно, эквивалентное наказание за нанесенный обществу вред, названный Марксом «принципом буржуазного права». Оценка людьми справедливости или несправедливости оплаты труда при этом зависит в основном

от следующих факторов: статуса профессии в обществе, состояния рынка занятости, уровня образования, опыта работы, оплаты труда в конкурирующих фирмах и т.п. Некоторые из этих факторов также оцениваются на справедливость или несправедливость. Особенно это касается фактора «статус профессии». Здесь чаще всего наблюдается проявление несправедливости. Для этого стоит только сравнить оплату труда в России учителей и поп-звезд или киллеров. Можно лишь посоветовать, что непрозорливость государственного руководства, или государственный мисменеджмент (при отсутствии стратегического планирования в социальной сфере), может в скором времени привести к полной деградации населения и, соответственно, России в целом.

Если уж говорить об образовании и воспитании, то здесь следует рассмотреть еще один вопрос. На ком лежит ответственность за воспитание детей? На родителях, за которыми законодательно закреплена обязанность заботиться о детях, воспитывать их, обеспечивая нормальное физическое и психическое развитие [6]. Добросовестное выполнение этих обязанностей зачастую требует от родителей некоторых «жертв» — отказа, как минимум, одного из родителей (чаще всего матери) от профессиональной карьеры, от повышения квалификации или вообще от работы, лишения себя досугового времени, возможности заниматься творчеством и т.д. Те, кто идет на этот шаг ради детей, как правило, добиваются на этом поприще успехов и растят хороших людей, которые, получив в детстве правильный импульс, вряд ли будут способны преступить хотя бы минимальные нравственные нормы, т.е. те нормы, которые мы обозначили как атрибутивные. С точки зрения девиантологии можно сказать, что эти родители, по сути дела, выполняют в обществе превентивную функцию. И делают это так, как не сделает ни одно государственное учреждение. Казалось бы, государство имеет возможность воздать этим родителям (или одному из них) по заслугам, назначив им хотя бы в старости достойную пенсию (разумеется, если их дети являются законопослушными гражданами), однако этого не происходит. Более того, в обществе вообще не ведется дискуссия по этому вопросу, такой проблемы вроде бы не существует. Однако здесь налицо социальная несправедливость в отношении лучшей части граждан, которая и спасает общество от тотального распространения преступности и других форм девиантности.

2. *Выражение социальной несправедливости в морали* связано с нарушением принципа равной для всех людей ответственности перед общечеловеческими нравственными принципами. Реализация данного принципа предполагает единство общественной морали. Но в реальной жизни такого единства нет. В различных субкультурах внутри одного и того же общества действуют свои системы нравственных норм, которые не соблюдаются по отношению к представителям других субкультур. Причиной возникновения моральных субкультур является несправедливое неравенство. Те, кто страдает от этого неравенства, попадают в одну группу или класс со своей субкультурой, а те, кто пожинает его

плоды, — в другую. Параллельно и вследствие этого разрушается единство общественной морали и снижается уровень социальной солидарности.

Моральные субкультурные системы возникают не только в силу несправедливого неравенства внутри данного общества, но и в силу национальных, расовых и религиозных различий между людьми как внутри данного общества, так и между людьми из разных обществ. Ведь культуры разных обществ также можно рассматривать в качестве субкультур внутри метаобщества, внутри единой системы общечеловеческой культуры. Перечисленные различия между людьми служат основой для их разделения на «своих» и «чужих». По отношению к последним моральные обязательства сильно ослабляются или вовсе снимаются и в силу вступает девиантологический закон: *вероятность совершения девиантных деяний в отношении к другим людям (при прочих равных условиях) нарастает по следующей цепочке понятий: член семьи — друг — сотрудник — земляк — соотечественник — единоведец (политический или религиозный) — представитель моей нации — представитель моей расы — просто человек.* Чем дальше отстоит человек от начала этого ряда, тем меньше остается моральных обязательств перед ним и тем выше вероятность совершения девиантных деяний по отношению к нему, поскольку нарастает степень «чужести».

3. *Выражение социальной несправедливости в правовых отношениях* имеет место каждый раз, когда нарушается принцип равенства прав и ответственности людей перед законом. Полная реализация такого равенства практически невозможна, хотя демократические общества прилагают массу усилий для соблюдения данного принципа и поддержания социальной справедливости в социуме. Причин тому много: от объективных трудностей разработки социально-адекватных правовых норм до коррумпированности государственных чиновников, призванных соблюдать социальную справедливость. Данный вид социальной несправедливости имеет самые тяжкие последствия для общества, поскольку порождает явление, получившее название «системное насилие».

Разумеется, демократические государства (как аппарат управления) предпринимают попытки восстановления и поддержания справедливости в правовых отношениях со своими гражданами. Одним из показателей таких усилий является наметившаяся в конце XX века тенденция к изменению в устройстве и организации (менеджменте) закрытых учреждений исполнения наказания. Так, Р. Дрибольд отмечает следующие тенденции: уменьшение количества заключенных; редукция вреда заключенным за счет использования возможностей краткого освобождения в период заключения (кратковременный отпуск); изменение структуры тюрьмы и, соответственно, режима отбывания наказания; изменение принципов обращения с заключенными и, соответственно, принципов отбывания наказания [13].

Вместе с тем, данные изменения как ранее, так и в настоящее время, не касались и не касаются фундаментальных оснований уголовного

права — возможности (власти) криминализировать поступки и осуществлять правосудие, опираясь на принцип социальной справедливости [16]. По мнению некоторых криминологов, уголовное правосудие своей деятельностью мешает демократизации общества, поддерживая пережитки тоталитаризма. Так, Х.-К. Ледер пишет, что система социального контроля (в том числе и официальные инстанции совершения правосудия) организована таким образом, чтобы иметь возможность постоянно проводить селекцию лиц, неугодных власти имущим [15].

4. *Несправедливость социально-политических отношений* есть следствие нарушения двух положений: а) равной для всех граждан гарантии обеспечения их прав и свобод в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека, важнейшими из которых являются свобода слова, свобода предпринимательства и право избирать и быть избранным во все руководящие органы путем всеобщего прямого тайного голосования; б) равной для всех граждан гарантии получения социальной помощи в случаях стихийного (природного или социального) бедствия, например: землетрясений, пожаров, наводнений, войн, вынужденной миграции, потери кормильца, потери трудоспособности, временной безработицы, нахождения в плену, нанесения ущерба лицом, в отношении которого было совершено преступление, и т.д.

Что касается первого положения, то всем хорошо известно его соблюдение, а вернее, полное несоблюдение в современной России (особенно с учетом современной ситуации с выборами), поэтому скажем лишь о втором. Несоблюдение этого требования (возмещение ущерба лицам, в отношении которых было совершено преступление) является важнейшим показателем несправедливости действующей государственно-правовой системы. К сожалению, эта тема не стала пока предметом широкой общественной дискуссии, хотя в этом направлении и имеются некоторые наработки [12].

5. *Выражение социальной несправедливости в сфере культуры* базируется на нарушении принципа равнодоступности для всех граждан культурных ценностей, созданных на протяжении истории человечества. Существующая социальная несправедливость заключается в том, что в больших, в основном столичных городах, сконцентрированы все богатства культуры. Конечно, для такого положения дел имеются объективные основания: традиционное и неизбежное скопление всех видов материальных и духовных ценностей в культурных центрах; приращение этих ценностей за счет постоянного притока новых творцов в столицы; концентрация в крупных городах капитала, часть которого направляется на создание и/или приобретение этих культурных ценностей; более высокие доходы городского населения, позволяющие ему тратить часть средств на оплату благ, не относящихся к первой необходимости, что во многом стимулирует развитие всех видов искусств. Эти объективные основания неустранимы в принципе, поскольку обусловлены, в конечном итоге, законами рынка. Но одна из задач государства как

раз и состоит в том, чтобы минимизировать проявления социальной несправедливости. И при этом неважно, имеют они объективную или субъективную природу.

б. *Социально-демографическое выражение социальной несправедливости* заключается в нарушении принципа равенства возможности выбора места жительства. В самом принципе уже заложены естественные ограничения, ибо он предстает только как «равенство возможностей», которые лишь при благоприятных условиях могут быть реализованы. К благоприятным условиям относятся: наличие свободного жилья и возможность это жилье приобрести; наличие свободных рабочих мест и возможность занять это место, выиграв конкурентную борьбу с другими; наличие достаточной суммы денег, дающей возможность оплачивать свою жизнь, и т.д. Как видим, трудностей и естественных социальных сит, не пропускающих «чужака», много, однако тоталитарные режимы еще больше увеличивают социальную несправедливость, вводя для своих же граждан всякого рода ограничения на свободное переселение. Вспомним хотя бы, как в советское время сельским жителям просто не выдавались паспорта, что означало автоматически их насильственное закрепление за местом проживания. В настоящее время феномен «закрепления» граждан за местом проживания завуалирован подзаконными актами, в соответствии с которыми без прописки (называемой теперь «регистрацией») невозможно получить медицинский полис, устроить ребенка в школу, оформить получение пенсии или какого-либо пособия, устроиться на работу и т.д. Все это является изощренной формой унижения государством своих граждан. К тому же существующий слегка завуалированный институт регистрации прямо противоречит Конституции страны.

Таковы важнейшие формы выражения социальной несправедливости, пронизывающие всю систему общественных отношений — от экономики до идеологии и политики, от морали и права до системы образования и воспитания подрастающего поколения. Если говорить обобщенно, то социальная несправедливость проявляется каждый раз, когда нарушаются права человека и социально-адекватные нормы, действующие в пределах отдельно взятого общества. Соблюдение прав человека, однако, не единственный критерий оценки справедливости в обществе. Сюда же можно отнести такие показатели, как уровень и качество жизни, а также развитие человеческого потенциала. Преступность и иные формы массовой нормонарушаемости являются выражением осознанного или не осознанного (стихийного) протеста против существующей несправедливости, ибо, как писал И. Кант, «ничто не возмущает нас больше, чем несправедливость; все другие виды зла, которые приходится нам терпеть, — ничто по сравнению с ней» [2]. Хорошо известно, что протест против несправедливости может быть пассивным (замыкание в себе, отчуждение и уход от действительности в бесплодные фантастические мечтания, в различные виды мистики, пьянство и алкоголизм,

наркоманию, виртуальную реальность Интернета и т.д.) или же активным (вандализм, хулиганство, кражи, грабежи, убийства, «теневая» предпринимательская деятельность и т.д.). Вместе они и формируют единый корпус девиантности.

Существующие теории девиантности и преступности, по сути дела, прямо или косвенно раскрывают ту или иную сторону, ту или иную форму *социальной несправедливости*, которая выступает как источник и причина девиантности и преступности. В схеме 1 представлена статичная картина² влияния социальной несправедливости на возникновение разных видов девиантности. В существующих объяснительных концепциях это влияние рассматривается через призму различных социальных процессов и явлений, отражающих то или иное проявление социальной несправедливости. Таким образом, понятие «социальная несправедливость» выступает как основа, позволяющая объединить имеющиеся представления о преступности и девиантности. Понятия, при помощи которых современные концепции описывают возникновение преступности и девиантности в обществе («аномия», «стигматизация», «субкультурная дифференциация», «конфликты властей», «конфликт социальных групп», «ослабление социальных связей», «уменьшение социального контроля» и т.д.), соотносятся с понятием «социальная несправедливость» как отдельное и общее, или как часть и целое, или как менее абстрактное и более абстрактное понятия. Они, по сути дела, описывают разные формы выражения социальной несправедливости: экономическую, правовую, религиозную, моральную, социально-политическую и т.д., а также следствия социальной несправедливости в виде разных форм и видов девиантности. Главными механизмами актуализации этих форм выступают социальное исключение, отчуждение, насилие и агрессия.

Предлагаемая концепция выступает как обшая, поскольку она не отбрасывает ни одной из существующих теорий, а объединяет их, преодолевая при этом их взаимонеприятие и кажущуюся противоречивость. Каждая из них предстает теперь как частный случай. Содержание понятий «социальная справедливость» и «социальная несправедливость» остаются постоянными в разных обществах, а объемы этих понятий могут различаться как в разных обществах, так и в одном и том же обществе в разные времена. С изменением объема понятия «социальная несправедливость» (т.е. при выделении нового выражения социальной несправедливости в общественных практиках) неизбежно изменится объем понятия «девиантное поведение», поскольку изменятся совокупности социально-адекватных и социально-неадекватных норм, задающих нормативную базу для социальных взаимодействий и определяющих виды девиантного поведения.

² В схеме не представляется возможным отобразить динамичную картину формирования социальной несправедливости как результата дисфункциональности различных социальных институтов и подсистем, выражающейся в создании социально-неадекватных норм поведения, деятельности, правил взаимодействия с разными агентами социальной интеракции и т.д. и т.п.

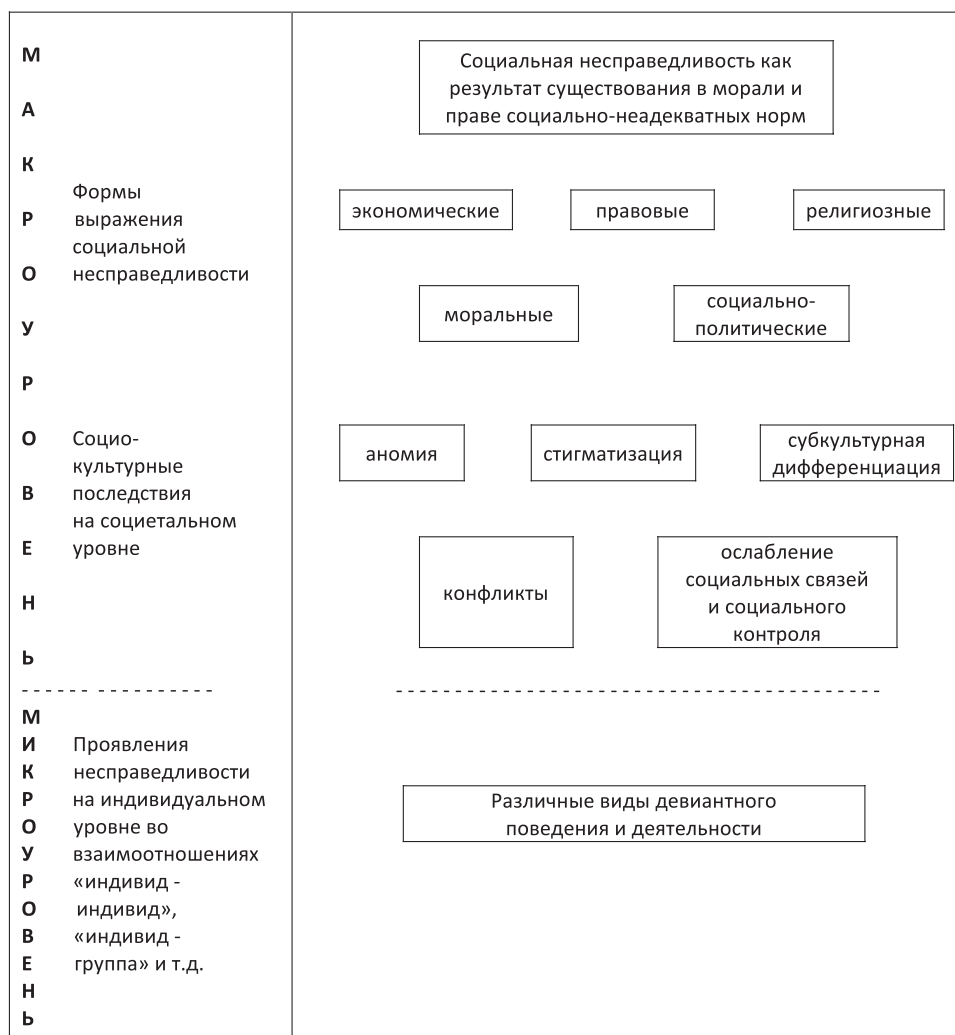

Схема 1. Логика проявления социальной несправедливости на разных уровнях социальной реальности

1. *Аргунова В. Н.* Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ. — Иваново, 2004. — 345 с.
2. *Кант И.* Из «Лекций по этике» (1780–1782) // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. — М., 1988. — 234 с.
3. *Кауфман Ф.-К.* Продолжает ли социальное государство выполнять функцию интеграции? // Современная немецкая социология: 1990-е годы. — СПб., 2002. — 129 с.
4. *Кристи Н.* Сверхсоциализация криминологов — преграда на пути проникновения в сущность // Криминология — XX век / Под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова. — СПб., 2000. — С. 59.
5. *Луман Н.* Метаморфозы государства: эссе // Проблемы теоретической социологии: сб. статей. — СПб., 1996. — Вып. 2. — С. 57–79.
6. Семейный кодекс Российской Федерации. — М., 2002. — С. 31–40.
7. *Спиркин А. Г.* Философия: учебник. — М., 1999. — С. 666.
8. *Троцковская В. А.* Справедливость — как ценностно-нормативная основа социального взаимодействия // Актуальные проблемы социологии, психологии и социальной работы. — Барнаул, 1999. — 432 с.
9. *Шутова Т. В.* Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. — СПб.: СПбГУ, 2003. — 156 с.
10. *Шутова Т. В.* Проблема синтеза теорий девиантности // Социологические исследования. — 2004. — №12. — С. 103–113.
11. *Шутова Т. В.* Социальная справедливость: понятие, виды // Проблемы теоретической социологии. Вып. 5: межвуз. сб. — СПб.: Астерион, 2005. — 234 с.
12. *Albrecht P.-A.* Kriminologie: eine Studienbuch. — München, 1999. — S. 197.
13. *Driebold R.* Teilnahme statt Ausgrenzung. — Bielefeld, 1990. — S. 109–115.
14. *Haferkamp H.* Kriminalität ist normal. — Stuttgart, 1972. — S. 14.
15. *Leder H.-K.* «Normale» Kriminalität im totalitären Staat: Bemerkungen aus devianzsoziologischer, kriminologischer und wissenschaftstheoretischer Sicht. — Frankfurt am Main; Bern; Paris, 1987. — S. 41–57.
16. *Schumann K.F.* Der Handel mit Gerechtigkeit. — Frankfurt am Main, 1977. — S. 190–195.

КАФЕДРА ОБЩЕЙ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ЯКОВЛЕВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА

*кандидат психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой общей и дифференциальной психологии
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
iriak@mail.ru*

IAKOVLEVA IRINA

*Ph.D. (Psychology), associate professor, head of department of the general and differential psychology,
Saint-Petersburg state institute of psychology and social work*

УДК 378.096

О КАФЕДРЕ ОБЩЕЙ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

THE DEPARTMENT OF GENERAL AND DIFFERENTIAL PSYCHOLOGY

Аннотация. Читателю предлагается история становления и развития Кафедры общей и дифференциальной психологии. Авторы статьи всесторонне рассматривают научные исследования кафедры, а также раскрывают специфику учебных курсов, читаемых сотрудниками кафедры.

Abstract. The authors describe the history of the department formation and development, dwell upon research conducted at the department and reveal the courses of study specificity.

Ключевые слова: история кафедры, общая психология, дифференциальная психология, учебные курсы.

Keywords: department history, general psychology, differential psychology, courses of study.

Прародителем Кафедры общей и дифференциальной психологии можно считать Кафедру общей и социальной психологии, которая открылась в 1998 году. Окончательный образ и название кафедры приобрела в 2001 году, когда заведующим кафедрой был назначен доктор психологических наук, профессор Аверин Вячеслав Афанасьевич. В.А. Аверин заложил идеологию и организационную культуру, которые традиционно поддерживаются преподавателями кафедры. Самое главное, что нам удается сохранять уже более десяти лет, это — традиционный для петербургской психологической школы подход к изучению человека и человеческие отношения как друг к другу, так и к студентам. В.А. Аверин в настоящее время является деканом факультета клинической психологии Санкт-Петербургской педиатрической академии.

С 2003 года по настоящее время кафедрой заведует доцент, кандидат психологических наук Яковлева Ирина Васильевна. В институте она работает с 1996 года, а на кафедре — с ее основания. До института она работала старшим научным сотрудником лаборатории дифференциальной психологии им. Б.Г. Ананьева научно-исследовательского института комплексных социальных исследований СПбГУ и совмещала научную работу с преподаванием, а поэтому имеет два ученых звания — старшего научного сотрудника и доцента. Общий преподавательский стаж И.В. Яковлевой — 30 лет. ее научные интересы лежат в области общей

и дифференциальной психологии, психодиагностики, психологии профессиональной деятельности, психологии общения и арттерапии.

В 2001 году, когда за кафедрой закрепилось ее настоящее название, в ее основной состав, кроме В.А. Аверина и И.В. Яковлевой, вошли доцент, кандидат биологических наук А.В. Никольский, доценты Е.И. Тютюнник и В.А. Тютюнник, старшие преподаватели О.Ю. Аверьянова и Г.Г. Марковская. В 2002 году к нам присоединилась доцент, кандидат психологических наук В.П. Мусина. В 2004 году на кафедру пришла доцент, кандидат психологических наук Е.Н. Ашанина, а в 2006-м — доцент, кандидат психологических наук П.А. Грищенко. Так сложился «основной костяк» коллектива преподавателей Кафедры общей и дифференциальной психологии, который работает и сегодня. Из этого списка выбыл только безвременно ушедший из жизни доцент Валерий Алексеевич Тютюнник, который был очень популярен у студентов как превосходный лектор и не менее почитаем коллегами как высококлассный психолог — исследователь и практик одновременно. Сегодня на кафедре работает старший преподаватель Н.В. Феоктистова, которая училась в нашем институте и слушала лекции В.А. Тютюнника по общей психологии. Так на кафедре реализуется преемственность поколений и продолжение традиций.

Н.В. Феоктистова — самая молодая преподаватель кафедры, после окончания нашего института

она закончила аспирантуру в СПбГУ и в 2011 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Материнские установки женщин и особенности психического развития детей младшего дошкольного возраста». В нашем институте она работает с 2010 года и совмещает преподавание с работой психологом в физико-математическом лицее №30. Есть среди преподавателей кафедры еще одна бывшая студентка, которая окончила наш институт еще тогда, когда он был колледжем практической психологии, затем закончила СПбГУ и в 2004 году стала кандидатом наук — это доцент И. А. Вахрушева. На кафедре она работает с 2004 года и одновременно преподаёт в Российской Христианской Академии.

Кадровый состав нашей кафедры в настоящее время составляет 12 сотрудников. За последние несколько лет в состав кафедры вошли молодые квалифицированные преподаватели, которые по традиции так или иначе связаны с СПбГУ и петербургской психологической школой. В 2007 году, защитив кандидатскую диссертацию на тему «Образ детства взрослого человека в контексте жизненной ситуации», пришла на кафедру доцент М. О. Бондарева. А с 2010 года у нас работает доцент, кандидат психологических наук М. А. Щукина, которая готовит к защите докторскую диссертацию на тему «Психология саморазвития личности».

В конце 2011 года произошло еще одно значимое событие в жизни Кафедры общей и дифференциальной психологии — доцент Е. Н. Ашанина защитила диссертацию на соискание степени доктора психологических наук по теме: «Психология копинг-поведения сотрудников государственной службы МЧС». Можно не сомневаться, что она, также как и все преподаватели нашей кафедры, использует на лекциях для студентов СПбГИПСР материалы своих исследований.

Сотрудниками Кафедры общей и дифференциальной психологии в настоящее время преподаются 27 общепрофессиональных и специальных дисциплин — от «Введения в профессию», «Общей психологии» и «Психодиагностики» до «Этических основ практического психолога» и «Математических методов в психологии».

Преподавателями кафедры осуществляется кураторство психодиагностического обеспечения учебного процесса и научно-исследовательской работы студентов и преподавателей.

На базе кафедры студентами факультета прикладной психологии организован научный кружок по развитию профессиональных интересов. Руководит кружком Г. Г. Марковская.

Ежегодно под руководством преподавателей кафедры выполняется около 50 выпускных квалификационных работ и более 200 курсовых проектов.

Научное направление кафедры: «Психологические детерминанты и регуляторы деятельности и поведения человека в условиях современного социума». Оно предполагает изучение основных проблем современной психологии и может быть раскрыто в следующей тематике:

- Мотивация учебной и профессиональной деятельности, а также — поведения в различных социальных ситуациях.

- Ценностные ориентации, морально-нравственные и профессионально-этические установки современной молодежи в мегаполисе.

- Развитие творческого потенциала и креативности как решение проблем самореализации в профессиональной деятельности и обучении.

- Адаптация личности и оптимизация психических состояний в профессиональной деятельности, в учебном процессе и в семье.

- Формирование индивидуального стиля деятельности, обучения и общения как детерминанты успешности.

- Вопросы удовлетворенности трудом и отдыхом, общением и обучением, семьей и здоровьем в связи с профилактикой психолого-социальных проблем.

Эта тематика может конкретизироваться как в научно-исследовательских проектах, так и в курсовых и дипломных работах наших студентов.

Специфика Кафедры общей и дифференциальной психологии заключается в ее универсальности: общая психология охватывает основные закономерности психики, проявляющиеся в любых сферах человеческой жизни, а дифференциальная психология (или психология индивидуальных различий) и психодиагностика показывают, как общие закономерности проявляются в диапазоне индивидуальных случаев и ситуаций. А именно с индивидуальностями в разных ситуациях и работают наши выпускники. Так высококвалифицированными специалистами нашей кафедры осуществляется переход от теории к практике в процессе обучения и профессионального развития наших студентов.